

ДЕСКРИПЦИИ ЭМОЦИЙ КАК СИМВОЛЫ СОМАТИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА (на примере эмоции страха)

Мартынюк А. П.

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

В статье подытоживаются основные положения интеграционной теории познания, исходящей из определяющей роли эмоций и тела в когнитивных процессах. Описываются буквальные дескрипции эмоции страха, соотносимые с гештальтами реальных соматических состояний экспериментаторов данной эмоции, и метафорические дескрипции, соотносимые с гештальтами нереальных, фантазийных ситуаций, которым уподобляется переживание страха.

Ключевые слова: эмоция, буквальная / метафорическая дескрипция, гештальт.

У статті підсумовуються основні положення інтеграційної теорії пізнання, що виходить з першочергової ролі емоцій і тіла в когнітивних процесах. Описуються буквальні дескрипції емоції страху, співвідносні з гештальтами реальних соматичних станів експериментаторів цієї емоції, й метафоричні дескрипції, співвідносні з гештальтами нереальних, фантазійних ситуацій, яким уподібнюється переживання страху.

Ключові слова: емоція, буквальна / метафорична дескрипція, гештальт.

The article sums up the main ideas of the integrational theory of cognition which proceeds from the primary role of emotions and body in cognitive processes. It represents literal descriptions of the emotion of fear that correlate with gestalts of real somatic states of the subjects experiencing fear, and metaphoric descriptions that correlate with gestalts of unreal, imaginary situations which are conceptual projections of real somatic states.

Key words: emotion, literal / metaphoric description, gestalt.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными заданиями.

В последние десятилетия мощное интеграционное развитие когнитивных исследований в корне меняет сложившиеся представления о роли тела и эмоций в конструировании языковых значений. Представители философии (У. Эко [13]), биологии (У. Матурана [4]), нейрологии (А. Дамазио [9; 10; 11]), антропологии (К. Харди [16]), семиотики (П. Виоли [22], М. Дайнези, З. Перрон [12]), психолингвистики (А.А. Залевская [1, 2]), когнитивной семантики (М. Джонсон [18], Дж. Лакофф [19], М. Тёрнер [Turner 21], Ж. Факонье [14]), корпоральной семантики (Х. Рутроф [20]), биосемиотики (Р. Харрис [17], А.В. Кравченко [3]) приходят к выводу, что языковые формы сами по себе ничего не значат: “означаемые естественного языка требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически функциональными” [2, с. 102].

Роль эмоций в процессе познания экспериментально обоснована в работах нейролога А. Дамазио [9; 10; 11], занимающегося проблемами нейрологии аффекта и социального поведения как продукта взаимодействия сознания, мозга, тела и их физического и социального окружения (см. анализ работ А. Дамазио А.А. Залевской [1; 2]). В наиболее общем виде концепция А. Дамазио сводится к таким положениям:

1) процесс познания представляет собой биологическое явление: всякий живой организм есть когнитивная система, т.е. система, организация которой определяет область значимых

взаимодействий с внешней средой для благополучного выживания (survival with well-being); процесс познания и есть таким актуальным взаимодействием, а жизнь **просто** как есть процессом познания;

2) в сложных организмах, таких как человеческий, тело, мозг и разум (mind) представляют собой манифестацию одного и того же интегрированного организма; тело и мозг взаимодействуют посредством химических и нейронных связей: тело, репрезентированное в мозге, создает необходимый контур отсылки (frame of reference) для метальных процессов, переживаемых как события разума; разум эволюционирует благодаря взаимодействию тела и мозга в ходе эволюции, в течение индивидуального развития и в текущий момент;

3) активность мозга направлена на содействие регуляции жизненных процессов организма, как посредством координирования внутренних операций самого тела, и так путем координирования взаимодействия между целостным организмом и его физическим и социальным окружением;

4) регуляторные операции организма обеспечиваются способностью организма различать объекты и события как внешние, так и внутренние; эта способность зависит от создания ментальных образов (идей и мыслей) и манипулирования ими в процессах, которые и называются разумом;

5) ментальные образы представляют собой динамические нейронные паттерны, устойчиво соотносимые с наборами состояний нейронной активности на определенных участках мозга, картирующими различные состояния активности тела, возникающие в результате актуального взаимодействия организма с окружением;

6) процесс картирования – не пассивный процесс; интерпретация процесса картирования А. Дамазіо близка к идее распределенности когниции [8], в соответствии с которой нейронные сети мозга способны к "обучению", т.е. постоянному обновлению нейронных паттернов под воздействием как внешних сигналов, так и взаимодействия между структурами мозга;

7) мозг продуцирует два вида образов тела (body images):

а) образы плоти, возникающие, благодаря нейронным паттернам, картирующим структуру и состояние сердца, пищеварительных органов, мускулов (например, боль или отвращение / тошнота);

б) образы специфических сенсорных проб (вкусные, слуховые, тактильные, обонятельные и вкусовые), являющиеся результатом картирования физического воздействия объектов внешнего мира на определенные части тела (ретину глаза, барабанную перепонку уха); "когда мы что-то видим, мы не просто видим: чувствуем, что видим что-то собственными глазами. В соответствующем месте нашего мозга перерабатываются сигналы о том, что происходит с нашим организмом" [9, с. 232].

7) нейронный механизм создания ментальных образов, есть врожденно встроенный механизм **первичных эмоций**, увязывающих ситуации взаимодействия организма с окружением с адаптивными соматическими ответами, обеспечивающими выживание; внутренняя система предпочтений врожденно нацелена на избегание боли и поиск потенциальных удовольствий;

8) в то же время, большинство соматических ответов формируется в процессе социализации через соматические состояния, связанные с поощрением и наказанием, называемые **соматические маркеры** как особые проявления чувствования (special instances of feeling), порождаемые **вторичными эмоциями** такие эмоции и чувствования через "обучение" увязываются с предсказуемыми сценариями ситуаций взаимодействия;

9) в ходе социализации, в процессе категоризации повторяющихся сценариев взаимодействия между внутренней системой предпочтений и набором внешних обстоятельств, уменьшается необходимость опоры на соматические состояния в каждом отдельном случае; когнитивные процессы, в том числе рассуждение и принятие решений, становятся частично зависимыми от **символов соматических состояний**, т.е. **знаков**, прежде всего, – языковых;

10) базовые когнитивные операции организма не используют язык, они основываются на сенсорно-моторных образах с учетом пространства и времени, представляя собой так называемое *ядерное сознание* (core consciousness);

11) язык есть формой существования *расширенного сознания* (extended consciousness); но самые сложные формы расширенного сознания функционируют на основе ядерного сознания; *ядерное сознание является фундаментальным видом сознания, тесно связанным с эмоциями*;

12) сознание и разум не тождественны; сознание – это процесс, в то время как разум определяется по отношению к тому, что называют личностью (self) и что выступает как знание человека о своем собственном существовании и о существовании окружающих его объектов; синонимичны термины сознание (consciousness) и сознающий разум (conscious mind);

13) значение языкового знака представляет собой выводное знание, обеспечиваемое соответствующими нейронными паттернами, активирующими в памяти ментальные образы объектов и событий; в этом смысле ***любые мыслительные процессы, осуществляемые с опорой на языковую форму, функционируют на основе перцепции и эмоций***;

Цель предлагаемой статьи состоит в интерпретации имеющегося англоязычного эмпирического материала в поисках языковых фактов, подтверждающих роль тела и эмоций в процессах когниции.

Изложение основного материала исследования. Английский язык, как и любой другой язык мира, располагает богатейшим арсеналом лексических и фразеологических номинаций эмоций. В прагматически-семасиологическом аспекте такие номинации выполняют разные функции – прямого обозначения, дескрипции, экспликации, экспрессии [6, с. 43].

В фокусе данной статьи находятся **дескрипции эмоций** как *буквальные*, так и *метафорические*, т.к. они являются прямой иллюстрацией образов тела, т.е. соматических состояний человеческого организма, фиксируемых ансамблем сенсорных детекторов, распределенных по всему телу и сигнализирующих мозгу о состоянии сердца, пищеварительных органов, сенсорно-моторного аппарата и т.д.

Буквальные дескрипции внутренних ненаблюдаемых состояний человека, переживающего эмоцию страха, включают описания ощущений, спровоцированных дисфункцией систем жизнеобеспечения организма, как например: учащение сердцебиения (*I felt my heart race with a mix of fear and anticipation / His heartbeat was rapid with fear*); нарушение нормального ритма пульса (*his pulse quickening*); ощущение холода во всем теле или в определенном органе, озноб, “мурашки” (*She listened to all this with growing horror. She could feel her hands and feet growing cold / her words gave me chill bumps over my whole body, even across the skin of my face*); нервная напряженность (*His nerves tingling with fear*).

Наблюдаемые проявления базовой эмоции страха описываются как дисфункция: 1) сенсорно-моторного аппарата, выражающаяся в неконтролируемом расслаблении или напряжении всего тела (*her body was numb with fear / body rigid with terror*), конечностей (*her knees go weak with fear*), дрожании (*she was so frightened she was shaking*), непроизвольном движении челюстей или, наоборот, сцеплении (*my teeth began to chatter / she felt no pain, only a fear that ground her teeth together*), расширении глаз (*his eyes bulged wide with a strange kind of confused horror / she could feel her eyes widening with horror*); 2) системы кровообращения, проявляющаяся в изменении цвета лица (*his face bloodless with dread*); 3) дыхательной системы (*to be panting with fear / to gasp in dismay / to be breathless with fear*); 4) желез внутренней секреции, выражающаяся, например, в потении (*Jungle terrified him. He was sweating profusely / He was afraid. His palms were wet inside his black gloves*); 5) речевого аппарата (*to be speechless with terror / to gibber with panic / to stammer in awe / to whine with terror / to squeak in panic*).

Метафорические дескрипции эмоций в большинстве своем воплощаются образными метафорами и метафтонимиями, т.е. метафорами с метонимической мотивацией [7, с. 241]; см. также, [15, с. 361].

Образы тела, активируемые в сознании буквальными и метафорическими дескрипциями эмоций, имеют *гештальтную природу*, отражающую базовое свойство психики – реагировать на взаимодействие с внешним миром путем формирования автоматизированных целостных образов событий / ситуаций.

Основоположники теории языковых гештальтов Дж. Лакофф и М. Джонсон описывают гештальты как многомерные, целостные единицы, представляющие собой результат нерасчлененного восприятия ситуации, но подлежащие разложению на отдельные измерения несколькими способами в зависимости от позиции наблюдателя и аспекта наблюдения. Измерения гештальтов формируются концептами, естественно возникающими на базе эмпирического опыта и обеспечивающими структурирование сложных абстрактных сущностей [19].

Если буквальны дескрипции соотносимы с гештальтами реальных соматических состояний, то метафорические – с гештальтами нереальных, фантазийных ситуаций, которым уподобляется переживание страха. В когнитивной структуре значения метафорического языкового выражения образ функционирует как “внутренняя форма” вторичного наименования, отдающая часть информации о типовом представлении о сущности, обозначенной уже существующим именем, в типовое представление об иной сущности, обозначенной этим же именем в дискурсивной ситуации. При этом, внутренняя форма сохраняет некоторые черты образной гештальт-структуры [5, с. 127, 190 – 191].

Типовое представление онтологизируется через прототип как знание о конститутивных признаках сущности, тогда как гештальт – “на основе восприятия, сопряженного с органами чувств – зрительным, вкусовым, перцептивным ид. т впечатление, в том числе – не непосредственным, а либо на основе “памяти тела” <...>, либо памяти образной” [там же, с. 189].

В структуре значения образного языкового выражения типовое представление соотносится с денотатом и принадлежит сознанию, тогда как гештальт-структура соотносится с квазиденотатом и принадлежит воображению [там же, с. 191]. Если денотат категоризирует сущность, то квазиденотат квалифицирует сущность, уподобляя ее иной сущности.

В когнитивной структуре значения образных метафор страха наиболее распространены гештальты событийного типа, обязательно включающие экспериенцера, уподобляемого КОНТЕЙНЕРУ, содержимым которого есть не СУБСТАНЦИЯ, как конвенциональных метафорах, а некое АФФЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ АГЕНСА-СТРАХА, направленное на экспериенцера, его внутренности, мозг, кровеносные сосуды, части тела.

К таким фантазийным структурам относятся гештальт **ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ**: ЦИКЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ (АГЕНС-СТРАХ ЦИРКУЛИРУЕТ В ЖИВОТЕ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА): *Fear cycled in her belly* (Squires, p 42); БЫСТРОГО ДВИЖЕНИЯ (АГЕНС-СТРАХ МЧИТСЯ СКВОЗЬ ТЕЛО / ХРЕБЕТ / ВЕНЫ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА): *Fear skittered through my body* (Cast, p. 20); *Fear skittered up his spine, raced through his veins* (Collins, p 30); ДВИЖЕНИЯ УКРАДКОЙ АГЕНС-СТРАХ КРАДЕТСЯ ПО КОСТЯМ / ВНУТРЕННОСТЯМ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА): *Flagging terror stole through his bones* (Straub, p. 47); *Horror stole through him, quietly and completely* (Straub, p. 204); ТАНЦА (АГЕНС-СТРАХ ТАНЦУЕТ НА ВНУТРЕННОСТЯХ / ВМОЗГУ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА ЭКСПЕРИЕНЦЕРА: **a strong fear danced through him** (Cronin, p. 38): *Perry fought to control the panic dancing back and forth through his mind* (Sigler, p. 91); **РИТМИЧНЫХ УДАРОВ** (АГЕНС-СТРАХ ОТБИВАЕТ БАРАБАННУЮ ДРОБЬ В ГОЛОВЕ / ГРУДИ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА): *He stood in the road, stood there, his head drumming with horror* (Straub, p. 92); *dread beating in his breast* (Squires, p. 117).

Некоторые комбинированные образные метафоры страха отражают пограничные состояния психики экспериенцера, вовлекая в гештальтные структуры онтологически инконгруэнтные

сущности и сочетания процессов, противоречащие здравому смыслу. Так, СТРАХ уподобляется: СУЩЕСТВУ, ИЗВОРАЧИВАЮЩЕМУСЯ внутри КОНТЕЙНЕРА-ЭКСПЕРИЕНЦЕРА и проявляющему себя тот как КРЫСА, тот как СЛОН: *He felt his fear twisting and turning inside him beneath his poker face. Sometimes it was big and panicky, trampling everything: the elephant. Sometimes it was small and gnawing, ripping with sharp teeth: the rat* (King 1999, p. 45); ЕДКОМУ ВЕЩЕСТВУ, наполняющему КОНТЕЙНЕР-МОЗГ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА и РАСТВОРЯЮЩЕМУ МОЗГ, ПРЕВРАЩАЯ ЕГО В ПТИЦУ, ДИКО БЬЮЩУЮ КРЫЛЬЯМИ (ПТИЦА мыслится как ПРОДУКТ РАСТВОРЕНИЯ МОЗГА): *He made wee-wee in his pants, and his mind dissolved into a madly fluttering black bird of panic* (King 1999, p. 350); КУСАЮЩЕМУСЯ СУЩЕСТВУ В КОНТЕЙНЕРЕ-ТЕЛЕ/ГОЛОВЕ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА, КОТОРОЕ ВЗРЫВАЕТСЯ: *Sharp and biting, terror exploded in my body and in my head* (Mead, p. 51).

Не менее интересны и метафоры страха, чаще всего, опирающиеся на гештальт ТАКТИЛЬНОГО КОНТАКТА, вводимого в ситуацию посредством номинаций ЧАСТЕЙ ТЕЛА АГЕНСА-СТРАХА, с которым вступает в тактильный контакт ЭКСПЕРИЕНЦЕР. Непременным атрибутом "контактирующей" части тела есть ХОЛОДНАЯ ТЕМПЕРАТУРА. Этот атрибут создает ассоциацию ХОЛОДНЫЙ → ОТТАЛКИВАЮЩИЙ. Например: ХОЛОДНЫЙ ПАЛЕЦ АГЕНСА-СТРАХА КАСАЕТСЯ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА: *The cold finger of his dread touched him again* (King 1999, p. 154); ХОЛОДНЫЕ ПАЛЫЦЫ СЖИМАЮТ ГРУДЬ / ГОРЛО ЭКСПЕРИЕНЦЕРА: *Perry felt the cold fingers of panic wrapping around his chest* (Sigler, p. 157–158); *Panic began to grip him now. Its icy fingers were tightening on his throat when he heard a sound on the stairs* (Wilson, p. 61–62).

Гештальт ТАКТИЛЬНОГО КОНТАКТА С ЧЕЛОВЕКОМ трансформируется в гештальт ТАКТИЛЬНОГО КОНТАКТА С ДИКИМ ЖИВОТНЫМ путем введения в ситуацию такого метонимического элемента, как КОГТИ (*claws*) – ЗВЕРЬ ЗАПУСКАЕТ КОГТИ В СОЗНАНИЕ / ВНУТРЕННОСТИ / ЖИВОТ / ЗАТЫЛОК / ГОРЛО ЭКСПЕРИЕНЦЕРА → РАСПРАВЛЯЕТСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ: *Fear slowly sank its claws into his consciousness, squeezing out his breath, joining with the biting cold to make his big body shiver.* (Sigler, p. 134); *Sharp claws of panic ripped viciously through his gut at his first glimpse of Laurel* (Roberts, p. 91); *He huddled on the ground, gasping for air, shuddering from the fear that clawed at his belly* (Collins, p. 22); *a claw of fear clutched at her stomach.* (McCammon, p. 14); *Her heart was pounding, and the cold claws of panic gripped the back of her neck* (McCammon, p. 510); *an instant panic clawed at the back of her throat* (Stabenow, p. 166).

Подобные "фантазийные варианты" перцептивных дескрипций иллюстрируют продукты воображения, переосмысливающие реальные соматические состояния, возникающие из телесного опыта, и свидетельствуют о центральной роли воображения в процессе познания в целом, и языкового семиозиса, в частности.

Выводы и перспективы дальнейших исследований – таким образом, имеющийся в распоряжении лингвистов теоретический и эмпирический материал открывает новые возможности для исследования эмоций как основы когнитивных процессов, стоящих за спонтанным языковым семиозисом.

При всей важности и продуктивности исследования дескрипции эмоций, гораздо больший вызов для лингвиста представляет поиск "следов эмоции" непосредственно в процессе концептуализации, т.е. выведения интерпретатором значения языковой формы в ситуации дискурсивного взаимодействия, где эмоция, не схвачена языковым знаком, но присутствует имплицитно. Именно с этим направлением связана перспектива разработки концепции языкового знака как средства межличностного взаимодействия.

Литература

1. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : [избранные труды] / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
2. Залевская А. А. Проблема "тело – разум" в трактовке А. Дамазио / А. А. Залевская // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – С. 82–105.
3. Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А. В. Кравченко // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство* : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 51–65.
4. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // *Язык и интеллект* ; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс: Универс, 1996. – С. 95–142.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с.
6. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
7. Barcelona A. Clarifying and Applying the Notions of Metaphor and Metonymy within Cognitive Linguistics / A. Barcelona. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 207–277.
8. Clark A. The extended mind / A. Clark, D. Chalmers // *Analysis*. – Vol. 58. – № 1. – 1998. – P. 7–9.
9. Damasio A. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain / A. Damasio. – N.Y. : Avon Books, 1994. – 313 p.
10. Damasio A. The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness / A. Damasio. – N.Y., etc. : Harcourt Brace & Co, 1999. – 386 p.
11. Damasio A. Looking for Spinoza: Joy, Sorrow and the Feeling Brain / A. Damasio. – Orlando, Austin, N.Y., etc. : Harcourt, Inc., 2003. – 356 p.
12. Danesi M., Perron P. Analysing cultures: An introduction and handbook / M. Danesi, P. Perron. – Bloomington; Indianapolis : Indiana Un-ty Press, 1999. – 413 p.
13. Eco U. Semiotics and the philosophy of language / U. Eco. – Bloomington : Indiana Un-ty Press, 1984. – 328 p.
14. Fauconnier G. Mappings in thought and language / G. Fauconnier. – Cambridge, U.K. : CUP, 1997. – 205 p.
15. Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 349–378.
16. Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter / C. Hardy. – Wesport, Connecticut; London : Praeger, 1998. – 217 p.
17. Harris R. From the integrational point of view / R. Harris // *Linguistics inside out* : Roy Harris and his critics / Ed. by G. Wolfe, N. Love. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – P. 229–310.
18. Johnson M. The Body in the mind (the bodily basis of meaning, imagination, and reason) / M. Johnson. – Chicago, L. : The Un-ty of Chicago Press, 1987. – 233 p.
19. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – N.Y. : Basic Books, 1999. – 602 p.
20. Ruthrof H. The body in language. – London; N.Y. : Cassell, 2000. – 193 p.
21. Turner M. The literary mind: The origin of thought and language / M. Turner. – N.Y. ; Oxford : OUP, 1998. – 187 p.
22. Violi P. Meaning and experience / P. Violi. – Bloomington : Indiana Un-ty Press, 2001. – 291 p.